

ТРИУМФЫ И СУМЕРКИ ОДНОГО ВЕЛИКОГО УЧЕНИЯ

© 2018 г. К. Гаджиев

ГАДЖИЕВ Камалудин Серажудинович, доктор исторических наук, профессор, ИМЭМО им. Е.М. Примакова РАН, РФ, 117997 Москва, ул. Профсоюзная, 23 (zuhrabvi@yandex.ru).

Статья поступила в редакцию 29.01.2018.

В статье предпринята попытка выявления и анализа важнейших факторов кризиса ценностей, идей, принципов, либерализма, лежащих в основе политической демократии. Выдвинут тезис, согласно которому либерализм и демократия, будучи историческими феноменами, подвержены естественным для человеческих сообществ законам возникновения, триумфа и постепенного упадка. Показаны факторы, способствовавшие абсолютизации и выхолащиванию ценностей прав и свобод человека и других связанных с ними идей и установок, как их понимали отцы-основатели либерализма и великие реформаторы XX века. Сделан вывод о том, что мы являемся свидетелями наступления новой эпохи, характеризующейся тектоническими сдвигами в бытийных основах жизни во всепланетарном масштабе, возможно, даже превосходящим по своим последствиям ту Великую трансформацию, которую западный мир пережил с переходом от Средневековья к Новому времени.

Ключевые слова: либерализм, политическая демократия, ценности, свобода, цивилизация, политика, старый порядок, либеральный миропорядок, евроцентристский мир, кризис, сумерки.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-8-110-119

Как верно констатировал А. Тойнби, любая цивилизация является ответом на тот или иной вызов истории [1, с. 104]. Вслед за ним можно утверждать, что рыночная экономика, политическая демократия, идея прав и свобод человека и целый ряд других ценностей, принципов, установок, институтов, отождествляемых с либерализмом, представляют собой исторические феномены или ответы на вызовы, порожденные в условиях перехода в XVI–XVIII вв. народов Запада от Средневековья к Новому времени.

Либерализм в период своего формирования и институционализации представлял собой комплекс радикальных идей переустройства базовых парадигмальных, мировоззренческих, социально-философских основ европейской средневековой цивилизации. Эти идеи положили начало Великой трансформации, в процессе которой на смену формам политической самоорганизации народов Средневековья пришла новая капиталистическая рационалистическая цивилизация, основанная на таких ценностях либерализма, как верховенство права, идеи гражданского общества, рыночной экономики, прав и свобод человека, разделения власти на три самостоятельные ветви и др. С этой точки зрения основоположники либерализма и их приверженцы выступали в качестве субъектов, как выразился бы Й. Шумпетер, творческого разрушения — разрушения старого мира и создания на его развалинах новой цивилизации с совершенно иными формами политической самоорганизации народов.

Подобные идеи возникли у сравнительно узкой группы народов Евро-Атлантического мира

и продемонстрировали свою эффективность именно у них в специфических условиях их господства над остальной Ойкуменой. Нет сомнений в том, что названные гуманистические по своей сути ценности и установки дали мощный толчок для социального, экономического, технологического, культурного прогресса этих народов, а вслед за ними и остального мира. Под их лозунгами в западном мире были осуществлены великие экономические и социальные реформы, в результате которых во многих странах было создано государство благосостояния, обеспечившее беспрецедентный в истории высокий уровень жизни широких слоев населения.

Это общеизвестный факт, который здесь вряд ли есть смысл сколько-нибудь подробно рассматривать. Но считаем уместным подчеркнуть, что в человеческом мире нет ничего вечного. Историю можно изобразить как путь, устланный исчезнувшими цивилизациями, мировыми империями, культурами, народами. То же самое можно сказать о формах политической самоорганизации народов, мировоззренческих парадигмах, течениях общественно-политической мысли, идеологиях, политических системах и т. д. По этой формуле либерализм, демократия и весь комплекс отождествляемых с ними ценностей, установок, принципов, будучи историческими феноменами, также подвержены естественным для человеческих сообществ законам возникновения, триумфа, постепенного упадка и заката, то есть известной формуле “подъем-и-падение”. Как говорится, на каждой горной вершине ты оказываешься над пропастью.

Начиная с конца 60-х годов минувшего столетия такие выражения, как “нищета либерализма”, “конец либерализма”, “смерть либерализма”, зачастую выносимые в заголовки книг и статей, стали стереотипными. В 1971 г. один из теоретиков западногерманского либерализма К.Г. Флах утверждал, что “голос либералов ослаб”, что “либерализм остановился в своем развитии в XIX в.” [2]. Еще более категоричные суждения по этому вопросу высказал известный американский социолог Р. Нисбет, который утверждал, что либерализму, как мы его понимаем в XX в., место на свалке истории [3].

Впрочем, таких характеристик можно привести множество. Однако при всех возможных оговорках рассуждения о смерти либерализма были для того периода, мягко говоря, не совсем корректны. Хотя большинство либеральных партий очутились в состоянии глубокого кризиса, при непредвзятом анализе то, что выдавалось за упадок либерализма, можно было квалифицировать как усилия по переоценке некоторых его принципов и установок с учетом новых реалий послевоенных десятилетий, когда многие страны Запада переживали феномен, получивший название “экономическое чудо”.

Как представляется, качественно новое положение сложилось в последние два-три десятилетия, когда либерализм достиг высшего предела своего развития. В результате распада СССР и окончания холодной войны и двухполюсного миропорядка казалось, что безвозвратно пали тирании и наступает эра торжества мира, демократии, прав и свобод человека. Либерализм в глазах интеллектуального и политического истеблишмента Запада приобрел статус как бы последней Истины в последней инстанции, пригодной для всех без исключения народов земного шара. Поэтому неудивительно, что появились разного рода идеи наподобие получившей в свое время скандальную известность концепции “конца истории”, с помощью которой американский политолог Ф. Фукуяма пытался убедить всех и вся, что западный либерализм победил окончательно во всемирном масштабе, что будто бы положило конец, ни много ни мало, самой истории. Причем такие оценки касаются не только самого либерализма, но также всех без исключения главных течений общественно-политической мысли, которые определяли основные направления общественно-исторического развития Запада на протяжении всего XX столетия.

Дело в том, что в зависимости от конкретных условий того или иного исторического периода ключевые ценности, идеи и установки либерализма были, в буквальном смысле, растасканы господствовавшими в тот период течениями общественно-политической мысли Запада.

Об обоснованности данного тезиса свидетельствует формирование во второй половине минувшего века в западных индустриально развитых странах своеобразного консенсуса между консерваторами и либералами по некоторым ключевым вопросам социальной и экономической политики государства. При общности базовых принципов национальные разновидности консенсуса обладали своей спецификой. Если в США имел место либерально-консервативный консенсус, то в большинстве стран Западной Европы речь шла о согласии между социал-демократами, либералами и консерваторами. В этом плане ключевое значение имел тот факт, что на протяжении всего XX столетия со всей очевидностью проявилась социально-охранительная природа социально-философских и идейно-политических основ либерализма, консерватизма и социал-демократизма. Как отмечал известный американский историк и политолог А.М. Шлезингер мл., цель либералов всегда состояла не в том, чтобы разрушить капитализм, а в том, чтобы “удержать капиталистов от его (капитализма. — К.Г.) разрушения, защитить капитализм от крайностей капиталистов” [4, р. 522]. В результате такого консенсуса на протяжении второй половины XX и особенно в первые полтора десятилетия XXI в. стала прослеживаться тенденция к взаимопроникновению ведущих течений общественно-политической мысли и заметной нивелировке линий разграничения между ними. Об этом наглядное представление можно получить на примере переводов американских неоконсерваторов, большинство из которых бывшие социал-демократы и перебежчики из либерального лагеря: И. Кристол, С. Липсет, Д. Белл, П. Мойнихен, Н. Подгорец, Дж. Киркпатрик и др. В молодости они придерживались социал-демократических, марксистских и даже троцкистских воззрений.

То же самое можно сказать о немецких неоконсерваторах, таких как Г.-К. Кальтенбруннер, Х. Люббе и А. Шван. Первый вышел из леволиберальных кругов, а вторые — из рядов социал-демократов. В 80–90-е годы консервативные силы пришли к власти под радикальными лозунгами перемен, обновления, переоценки ценностей, даже революции. Показательна позиция Г.-К. Кальтенбруннера, по мнению которого новые консерваторы являются консерваторами в силу того, что они придерживаются либеральных позиций. По его словам, для консерватора возможна ситуация, когда он может, “оставаясь на правом фланге, рассуждать в духе левых”. В своих доводах Кальтенбруннер идет настолько далеко, что говорит о возможности сотрудничества социал-консерваторов с “отдельными группировками социал-демократов и даже марксистских ревизионистов”.

В настоящее время весьма трудно провести различия между американскими неоконками и приверженцами французского журнала *Charlie Hebdo*, которых по своему радикализму в подходе к остальному миру весьма трудно причислить к правому или левому полюсу идейно-политического спектра. Не случайно многие ведущие представители американского политического и интеллектуального истеблишмента называли президента Буша мл. и некоторых ведущих членов его администрации революционерами, а их политику революционной. Один из патриархов мировой дипломатии последней четверти минувшего века Г. Киссинджер по этому поводу писал: “Мне кажется, что неоконсерваторы очень сильно сродни троцкистам в том смысле, что и те, и другие думают, будто внешнеполитические проблемы — это на самом деле проблемы внутренней структуры той или иной страны, и если ее поменять, то внешнеполитические проблемы решатся сами собой” [5]. Как не без оснований отмечал известный политолог Д. Саймс, акции США в Афганистане и Ираке основаны на “неотроцкистской вере в перманентную революцию (пусть даже демократическую, а не пролетарскую)” [6]. Разумеется, такие оценки нельзя понимать буквально. Тем не менее они имеют под собой реальные основания, поскольку разработанная группой американских неоконков стратегия экспорта демократической революции, в русле которой Запад во главе с США развязал агрессивные войны на Ближнем Востоке и в Северной Африке, в тех или иных аспектах напоминала троцкистскую теорию перманентной революции.

* * *

Трансформации, вызвавшие эти процессы, нельзя правильно понять в отрыве от тех тектонических сдвигов, которые происходят в глубинных инфраструктурных пластах общественно-политической жизни и мировоззренческой системы современного мира в целом и западных стран в особенности. Суть проблемы заключается в том, что во имя превратно истолкованных ценностей и идей демократии, прав и свобод человека всячески поощряется политика демонтажа всех возможных табу, насаждения беспредельной толерантности, зачастую выражаемая термином “политкорректность” и ставшая ключевой составляющей демократического мессианизма. Эта тема достаточно широко освещена в отечественной политической науке. Здесь считаем уместным отметить тот факт, что парадоксальным образом толерантность, которая многими мыслится как интегральная часть мифологии прав и свобод человека, претерпевает своеобразную инверсию, во всевозрастающей степени высвечивая ее оборотную сторону, а именно, неприятие ценностей и культур западных народов, осмеивание их

верований, оскорбление их богов, пророков, мучеников разного рода карикатурами.

С рассматриваемой точки зрения нельзя не обратить внимание на тот факт, что в условиях глобализации и информационно-телекоммуникационной революции большинство людей, на котором, согласно теории политической демократии, основывается государственная власть, приобретает совершенно иные, чем на протяжении всего минувшего века, формы и содержание. Речь идет, в частности, о так называемом восстании меньшинств, под которыми имеются в виду активные, можно сказать, порой агрессивные виртуальные группы — организаторы флешмобных, твиттерных, фейсбукских и иных кампаний “за” или “против” тех или иных проблем, волнующих различные слои общества. К ним относятся разного рода одномерные меньшинства нетрадиционной сексуальной ориентации, субкультурные группы, этнические сообщества, сетевые меньшинства, новые религиозные и неоязыческие секты тоталитарной ориентации и т.д., подспудно или прямо способствующие далеко идущим изменениям в структуре и образе жизни общества.

Благодаря Интернету создалась ситуация, при которой какая-нибудь активная группа, вожделирующая популярности, власти, влияния, способна навязать свою волю, свое видение мира, свою модель образа жизни целым коллективам, сообществам, отдельно взятому государству, даже мировому сообществу. Иными словами, демократия большинства постепенно трансформируется во власть множества и множества конкурирующих и конфликтующих между собой активных меньшинств.

Эти процессы и тенденции дают основания для утверждения, что условная линия, пролегающая между демократией, авторитаризмом и тоталитаризмом обнаруживает тенденцию к постепенному размыванию. Их объединяют некоторые специфические ценности, идеи, установки, заряженные разрушительными потенциями для базовых устоев иудео-христианской цивилизации. Острие критики направлено прежде всего против традиционной семьи с мужчиной-отцом и женщиной-матерью, которая рассматривается как “авторитарное государство в миниатюре”, где, по мнению критиков, “семейный империализм воспроизводит национальный империализм”. Другими словами, в семье они видят не просто неравенство полов, а политическое неравенство. Более того, один из отцов-основателей так называемого “нового гуманизма” Т. Адорно объявил традиционную семью “колыбелью фашизма”. Исходя из такого посыла, предпринимаются попытки отказа от природных различий полов, освобождения от будто бы сковывающих человека уз традиций, духовных преград, ограничений, запретов и табу.

Как свидетельствует опыт истории, чрезмерную веру в человека (максима — “человек есть мера всех вещей”) нельзя оценивать однозначно. Тем более нельзя однозначно оценивать те тенденции абсолютизации прав и свобод человека, которые в последние десятилетия характерны для значительной, продвинутой части населения западных стран. Общеизвестно знаменитое выражение лорда Эктона: “Власть развращает, большая власть — развращает абсолютно”. При этом равным образом следует прислушаться к предупреждению американской писательницы и историка Г. Химмельфарб, которая пришла к выводу: “Свобода тоже развращает, а абсолютная свобода развращает абсолютно”.

Разумеется, любое государство обязано гарантировать права и свободы своих граждан независимо от расовой, национальной, гендерной, вероисповедной принадлежности, но строго в пределах своей юрисдикции, при этом не отдавая предпочтение какому-либо отдельно взятому сообществу граждан. В этом контексте симптоматичен тот факт, что, следуя идее мессианской миссии США, сверхидеологизированный Дж. Картер, победивший на выборах президента в 1976 г., объявил защиту прав человека во всем мире стержневой составляющей внешнеполитической стратегии Вашингтона. В 2015 г. при столь же сверхидеологизированном президенте Б. Обаме эта стратегия приобрела прямо-таки крайние формы. После того как 26 июня того же года Верховный суд США голосами пяти его членов против четырех легализовал однополые браки на всей территории страны, тогдашний государственный секретарь Дж. Керри объявил, что теперь Америка будет добиваться аналогичных прав для представителей ЛГБТ-сообщества во всем мире. Керри констатировал, что выполнение данной миссии поручено специальному посланнику по правам лесбиянок, геев, бисексуалов и трансгендеров. Следует обратить внимание на тот факт, что Вашингтон, во-первых, пытается навязать свои сугубо национальные юридически-правовые нормы остальному миру и, во-вторых, выделяет специфическое сообщество не только собственных граждан, но и представителей народов остального мира, защита прав которых объявлена одним из ключевых составляющих американской политической стратегии.

Исторически сложилось мнение об органическом единстве либерализма, свободы и демократии. Однако, по мере переоценки ключевых постулатов либерализма, наблюдается тенденция к эрозии этой взаимосвязи. Речь идет не только о так называемой нелиберальной демократии, согласной которой в результате демократических выборов к власти приходят нелиберально ориентированные политические силы. Как отмечает, например, известный американский аналитик Ф. Закариа, проблема полити-

ческой системы США состоит в ее “глубокой разбалансированности: больше демократии, но меньше свободы”. Выход из такой ситуации он видит в нейтрализации неумеренной “демократизации демократии” или “чрезмерной демократии” (*deMOREcracy*) [7]. Закариа предупреждает, что “эта тайная раковая опухоль продолжает расти, разрушая систему” [8]. В таком же духе рассуждает итальянский политолог Н. Боббио, по мнению которого “ничто не подвергает демократию такому риску, как избыток демократии” [9, р. 13]. Перифразируя это выражение, можно сказать: ничто так не подвергает риску личную свободу отдельно взятого человека, как избыток свободы.

Если согласиться с этими аргументами, то можно предположить, что возникла необходимость защиты демократии от слишком рьяных демократов, а права и свободы человека от слишком рьяных их защитников. В этом ключе интерес представляет мысль обозревателя *The Wall Street Journal* У. Галстона, который сетует: “Как могло случиться, что либеральная демократия — великий американский экспортный продукт и будущее Запада, если не всего человечества — в наши дни становится конфессией, теряющей своих приверженцев?” [10].

Суть проблемы заключается в том, что произошла своего рода мутация идей отцов-основателей либерализма: Дж. Локка, Ш.Л. Монтескьё, Т. Джефферсона и, тем более, реформаторов XX в.: Дж.М. Кейнса, Ф.Д. Рузвельта, Д. Ллойд-Джорджа, Дж. Джолитти, В. Брандта — зачинателей скандинавского социализма и др. В этом вопросе можно согласиться с немецким исследователем Г. Рормозером, назвавшего одно из трансформировавшихся ответвлений либерализма — либертаризм — “извращенной” формой либерализма. Эта извращенность все более отчетливо проявляется в тех тенденциях и процессах, которые происходят в либерализме и вместе с ним во всех ключевых течениях общественно-политической мысли.

* * *

Возможно, к настоящему времени эпоха восхождения, институционализации и успешной реализации либеральных ценностей в той форме, которую они предлагают в наши дни, уходит или безвозвратно ушла в прошлое. Наступают или наступили сумерки капиталистической рационалистической евроцентристской цивилизации, которая занимала господствующее положение в течение последних трех-четырёх столетий. Достигнув пределов своего развития, ей предстоит вступить на путь переоценки основополагающих ценностей. Можно утверждать, что мы живем в условиях смены эпох, которая характеризуется эрозией и разложением тех или иных

из господствующих ценностей, отношений и институтов и развертыванием формирования новых. Или, иначе говоря, мы переживаем своего рода осевое время, характеризующееся тектоническими сдвигами в бытийных основах жизни во всепланетарном масштабе. Речь идет о глубинном экзистенциальном сдвиге, равновеликом, возможно, даже превосходящем по своим последствиям ту Великую трансформацию, которую западный мир пережил с переходом от Средневековья к Новому времени.

Одним из предвестников наступления таких сумерек выступает появление все более агрессивно заявляющих о себе разного рода новых феноменов, порожденных выходом наружу ранее сублимированных, табуизированных эгоистических потребностей, устремлений, грез, фантазий людей, не желающих более подчиняться веками установленным в обществе ценностям, принципам, обычаям, традициям и т. п. При таком положении вещей нарушаются, казалось бы, доказавшие свою верность закономерности общественно-исторического развития, что провоцирует кризисы, широкомасштабные социальные и политические пертурбации, турбулентные состояния. В зависимости от стечения множества факторов и обстоятельств результатом становится либо исчезновение с исторической арены соответствующего сообщества или системы, либо, получая импульсы извне и мобилизуя внутренние ресурсы, эта система приобретает новые возможности для выбора оптимальных ответов на внешние вызовы и самоорганизации на новых основаниях. Таким образом, в процессе преодоления устраниаются устаревшие, исчерпавшие свой ресурс, показавшие свою нежизнеспособность узлы, элементы, структуры и формируются новые, более соответствующие современным реалиям.

Эти тенденции и процессы свидетельствуют о начале конца той эпохи, в которой либерализм и демократия в западном понимании возникли и выполняли роль движителей социального экономического, технологического и политического прогресса. Речь идет, по сути, о необходимости переоценки ценностей либерализма, демократии, прав и свобод человека, их системных характеристик, предназначении, места и роли в современном стремительно меняющемся мире. В этом русле возникают сакральные вопросы: каковы ценности, идеалы, принципы, установки, которые выше либерализма, демократии, прав и свобод человека и объединяют людей, народы в единые сообщества? Способны ли они эффективно ответить на вызовы новых исторических реальностей или же на вопрос, поставленный Дж. Бьюкененом: “Что есть демократия — наше спасение или идеология самоубийства Запада?” [11].

Как идеология и форма политической самоорганизации они прошли слишком короткий путь и еще не выдержали испытание Историей, измеряемой не двумя-тремя столетиями, а тысячелетиями. И действительно, кто доказал, что древнеегипетская цивилизация, просуществовавшая в течение четырех тысячелетий, то есть в 2 раза дольше христианской эры, еще дольше ислама, обладает меньшей исторической легитимностью, нежели западная, или, конкретно говоря, англо-саксонская модель политической демократии, которой, как уже отмечалось, всего лишь максимум два столетия. Здесь речь идет не о достоинствах или недостатках той или иной государственно-политической системы, а о том, что если взять жизнь не просто отдельно взятого индивидуума, а человеческих сообществ, то она отнюдь не может сводиться к нескольким прерватно понимаемым лозунгам демократии, рыночной экономики, прав и свобод человека.

Тем более беспрецедентные успехи авторитарных систем Китая и Сингапура на пути экономического и технологического прогресса со всей очевидностью ставят вопросы социально-философского, парадигмального, системного характера, соотношения формы государственного устройства, с одной стороны, экономического и технологического прогресса, с другой. Они способны конкурировать и успешно конкурируют с англосаксонской моделью политической демократии и заставляют задуматься над тем, могут ли быть по-настоящему успешными только демократические государства. Как представляется, такой подход может оказаться более привлекательным для многих народов и стран с органической социокультурной и политико-культурной национальной традицией, нежели подходы тех государств, которые предлагают, а зачастую просто навязывают им свои ценности, принципы, условия и т. д.

Эти тенденции и процессы свидетельствуют о том, что зачинатели процессов глобализации — уже не единственные вершители судеб современного мира. Более того, можно утверждать, что глобализация, которая началась как западный проект, постепенно изменяет свой вектор, предназначение, первоначальные цели и установки. Она начала претерпевать своего рода инверсию, так как все больше стала отвечать интересам бурно поднимающегося Востока. Если раньше Запад только наступал, то в нынешних условиях он постепенно вынужден занимать оборонительные позиции. Хотя западные культурные стереотипы продолжают свою экспансию на всем пространстве ойкумены, ему становится все труднее убедить остальные народы в превосходстве своих духовных и морально-этических ценностей и принципов.

Об обоснованности данного тезиса свидетельствует тот факт, что множество стран и народов Востока, понимаемого в самом широком смысле, во все возрастающей степени ориентируется на опыт Китая, Сингапура и других новых индустриальных стран, добившихся успеха при авторитарных или полуавторитарных режимах.

С рассматриваемой точки зрения представляется уместным сравнить перспективы либерализма и политической демократии с судьбами советского коммунистического проекта. Если этот последний исчез в силу его неудачи, проблемы либерализма порождены его успехом. Суть вопроса состоит в том, что фактически все сколько-нибудь значимые ценности, принципы, установки либерализма, касающиеся важнейших сфер общественной жизни, оказались реализованными на практике. Само государство благосостояния, которое можно рассматривать как выдающееся достижение западной капиталистической рационалистической цивилизации и без которого невозможно представить современное западное общество, зиждется на либеральных принципах. К тому же почти все идейно-политические течения каждый раз, декларируя о своей приверженности обновлению, не находили иного пути как заимствовать аргументы из багажа либерализма. В итоге создалась ситуация, когда почти все сколько-нибудь значимые политические силы стали кружиться в одной плоскости, используя одни те же или весьма близкие друг другу аргументы. Иначе и не могло быть, поскольку с распадом СССР и окончательным развенчанием коммунистического идеала, была декларирована полная и окончательная победа либерализма во всемирном масштабе. Соответственно, главный постулат либерализма — права человека — был объявлен единственно верной Истиной (с большой буквы), против которой ни одна политическая сила, считающая себя цивилизованной, не может и не вправе выступать. Постепенно нарциссизм и надменность, являющиеся характерными чертами для адептов либерализма в отношении других течений общественно-политической мысли, передались почти всем сколько-нибудь значимым социально-политическим силам.

По-видимому, своего рода медвежью услугу старому порядку оказали распад Советского Союза и с ним исчезновение коммунистического проекта как значимой и действенной альтернативы либерализму. В отсутствие серьезного противника либерализм продемонстрировал неспособность обосновать преимущество и достоинства своих ценностей. Как отмечает обозреватель газеты *The Guardian* Р. Бэр, “мы по-прежнему делаем лучшие телевизоры и туалетную бумагу. Но они никогда не были неопровержимыми доводами в пользу либеральной

демократии. Это была реклама некоего продукта, называемого Западом. Но этот продукт, продаваемый на тех же условиях, сегодня уже не существует” [12]. Обнаружилось, что любая идеологическая система, не имея достойной ее статусу противостоящей идеологической системы, как бы варясь в собственном соку, постепенно теряет свои внутренние потенции. Для системы, которая уверовала в то, что с победой ценностей либерализма весь мир живет в условиях либерального миропорядка, сама мысль об ином представляется неприемлемой. Во внутривнутриполитической сфере споры и дискуссии по данному вопросу приобрели схоластический характер, поскольку постепенно речь стала идти о том, как лучше расширить права человека, какие именно политические силы более привержены приобретшим статус сакральных ценностям либерализма. В итоге они постепенно стали терять жизненную энергию и переходить в фазу постепенного наращивания процесса энтропии.

* * *

«Когда подумаешь, — отмечали на рубеже двух тысячелетий бывший премьер-министр Японии Я. Накасонэ и его коллеги, — что эти новшества порождены глубоким сомнением в ценностях Нового времени, произросшим на почве небытия, конец нашего столетия начинает казаться “потемками истории”. Хотя Новое время находится сейчас в своем зените, нас не покидает сильное предчувствие, что оно на глазах может уйти в небытие» [13, с. 43].

Действительно, сложившуюся в мире ситуацию следовало бы образно называть “сумерками старого порядка”. Возможно, ныне мы являемся свидетелями ситуации, когда тех, кто отстаивает традиционные ценности Золотого правила, именуют “реакционерами”, а тех, кто пропагандирует ценности и установки либерализма, фундаментализма рынка и прав человека, приверженцев нетрадиционной сексуальной ориентации и т. д., — сторонниками прогресса и революционерами.

Здесь, на наш взгляд, речь идет о “творческом разрушении”, о котором говорилось выше. Однако нет никаких гарантий, что предлагаемый новым поколением революционеров мир будет лучше разрушаемого, что победители будут лучше побежденных, что альтернатива демократии не будет гораздо хуже самой демократии, ибо, как свидетельствуют исторический, да и современный опыт, самые радикальные противники действующих политических режимов, придя к власти, могут стать угрозой основополагающим правам и свободам человека в их истинном, а не в либертариистском понимании. В итоге так лелеемый западной интеллектуальной и политической элитой идейный, идеологический, по-

литический плюрализм превратился в фикцию. Отсюда те aberrации, которые мы в настоящее время наблюдаем.

В отношении остального незападного мира такая aberrация проявилась в форме стратегии экспорта демократической революции. Провал этой стратегии и так называемых “цветных революций” убедительно свидетельствует о том, что незападный мир в подавляющем своем большинстве не приемлет ценности, нормы, отношения, правила игры, которые предлагают ведущие страны Запада. Метафорически говоря, солнце “арабской весны” взойшло, когда для самого западного либерализма, вступившего в фазу мутации, наступила осень, которую без преувеличения можно назвать сумерками великого учения. По сути дела либерализм оказался на том же пути, что марксизм-ленинизм в СССР. Но здесь мы имеем определенные различия. Ленин с самого начала утверждал: “Учение Маркса всеильно потому, что оно верно”. Либерализм пришел к декларации подобного лозунга применительно к себе постепенно – по мере утверждения триумфа Запада.

Именно этими процессами и тенденциями определяются системные и институциональные метаморфозы, в настоящее время переживаемые либерализмом и политической демократией в Евро-Атлантическом мире. В США на выборах в ноябре 2016 г. президентом страны избран фактически аутсайдер вопреки верхушке собственной партии и при фронтальном сопротивлении подавляющей части политического, интеллектуального и медийного истеблишмента. Пытаясь объяснить этот феномен, обозреватель газеты *The Financial Times* Э. Льюс пишет: “Трампа и его коллеги в Европе не спровоцировали кризис демократического либерализма. Они – симптомы этого явления”. Утверждая, что победа Трампа не была случайностью, он предупреждает американцев не тешить себя мыслью о том, что “после короткого перерыва история возобновит свой нормальный ход” [14]. По мнению Льюса, случайностью нельзя объяснить тот факт, что почти четверть белого рабочего класса Америки, проголосовавшая за демократа Б. Обаму в 2008 г., в 2016 перешла на сторону Трампа, а сотрудники японской компании *Nissan* в Сандерленде (Великобритания) проголосовали за Брекзит против собственных экономических интересов. Если в 2000 г. к “низшему классу” относили себя одна треть американцев, то теперь уже почти половина. Главной причиной этих феноменов Льюс справедливо называет недовольство среднего класса, которое назревало на протяжении многих лет. Эти люди, которых в Великобритании называют “оставленными за бортом”, во Франции – “пластом средней мощности”, в Америке – “зажатыми посередине” “оказались главными проигравшими в мировой экономике” [14].

В оценке феномена Трампа особый интерес вызывает позиция Ф. Фукуямы. По его мнению, одна из причин победы Трампа коренится не в симпатиях к России и Путину, а в осознании того факта, что “американская политическая система во многих отношениях сломана – подвержена влиянию особых интересов и парализована собственной неспособностью принимать и воплощать в жизнь простые решения”. Так, “регулярно возникающие тупиковые ситуации и паралич системы, – считает ученый, – убеждают людей в том, что в ней возникли настолько серьезные поломки, что спасти ее может только лидер, способный нарушить все правила – если не Трамп, то его преемник” [15]. Значимость этих слов велика, поскольку их произносит не какой-нибудь пропагандист с телеканала *RT*, а один из поборников западного/американского триумфализма.

Правы те аналитики, по мнению которых Трамп не просто бросает вызов установившейся политической системе, а “испытывает основы американской демократии” [16]. Его феномен можно рассматривать как своего рода бунт определенной части населения против глобализации и либерального миропорядка. В этом контексте широкомасштабная атака американского либерального истеблишмента на Трампа, который, по сути, вольно или невольно покусился на основы старого порядка, объясняется тем, что он не может и не собирается смириться с поражением, поскольку не желает терять гегемонию на властном олимпе. Трампа называют “политическим оружием массового самоуничтожения для американской демократии”, говорят о “подрыве основных принципов американской демократии”, о “параличе политической системы” и т. д. Вполне возможно, что в некоторых из таких оценок присутствует определенный элемент преувеличения. Но нельзя отрицать факт глубокого кризиса как либерализма, так и политической демократии, составляющих суть либерального политического порядка на страновом уровне и либерального миропорядка на глобальном уровне. В этом вопросе можно согласиться с Э. Роунсли, который пишет: “Урок прошедшего десятилетия сводится к тому, что демократия является более хрупкой, уязвимой и зависящей от обстоятельств, чем полагали многие либералы... Главная ошибка, которую мы совершаем по отношению к демократии, заключается в том, что мы принимаем ее как должное” [17].

С теми или иными оговорками эти рассуждения относятся и к положению дел в Европе, хотя, на первый взгляд, казалось бы, во Франции победила наспех созданная партия Э. Макрона “Вперед, республика”, которую трудно подозревать в неприятии либерального миропорядка. Но

фактом остается то, что эта партия заполнила тот вакуум, который образовался на политической карте страны в результате фактической несостоятельности двух ключевых традиционных партий – социалистов и республиканцев. Ее убедительная победа как на президентских (23 апреля и 7 мая 2017 г.), так и парламентских (11 и 16 июня 2017 г.) выборах стала свидетельством того глубокого кризиса, в котором оказалась партийно-политическая система Франции.

В этом же ряду можно назвать результаты парламентских выборов в Германии в сентябре 2017 г., которые, по мнению многих аналитиков, явились поворотными в истории этой страны. Действительно, они могут оказаться прелюдией к серьезному повороту политической системы ФРГ, сложившейся на базе Основного закона 1949 г. По итогам выборов ведущие политические силы в лице партийного альянса ХДС/ХСС – 33% (246 мест в Бундестаге) и Социал-демократической партии Германии – 20.5% (153 места) – что составляет худший результат за все время существования ФРГ – значительно ослабили свои позиции. Праворадикальная партия Альтернатива для Германии, которая впервые прошла в Бундестаг, завоевала 12.6% (94 места), став третьей силой в парламенте страны.

В конце 2017 г. в результате парламентских выборов в состав правящей коалиции Австрии вошла праворадикальная Австрийская партия свободы Х.-К. Штрахе. Симптоматично, что, когда в 2000 г. консервативная Австрийская народная партия под руководством В. Шюсселя сформировала коалиционное правительство с праворадикальной Австрийской партией свободы Й. Хайдера, в Евросоюзе поднялась буря негодования, и Австрия чуть ли не стала в глазах политического и интеллектуального истеблишмента изгоем. Власти стран Евросоюза свели контакты с Австрией к минимуму. Во многих городах Союза прошли акции протеста против такой коалиции. На этот раз Брюсселю пришлось проглотить весьма горькую пилюлю. Более того, Ж.-К. Юнкер заявил, что его устраивает практически вся программа Курца и Штрахе [18].

Аналогичные тенденции характерны для Польши и Венгрии, где у власти стоят право-консервативные силы, проводящие политику, не всегда следуя указаниям и протестам Брюсселя, который обвиняет руководителей этих стран в несоблюдении европейских ценностей. Аналогичные тенденции характерны для других стран Евросоюза.

Возможно, одним из альтернативных ответов, соответствующих нынешним реалиям, выступает правый консерватизм в его новой правой версии. В последние годы мы являемся свидетелями неуклонного роста влияния и успехов новых правых во многих странах Евро-

союза. Эта тенденция достигла внушительных масштабов в условиях еще не преодоленного мирового финансово-экономического кризиса и иммиграционного кризиса, достигшего своего апогея летом 2015 г. Их успехи идут в одном русле с инверсией векторов и функций глобализации, возрождением национализма, патриотизма, национальной идентичности, ресуренизации национальных государств, интереса к традиционным ценностям и т. д.

Как представляется, позиции некоторых неоправых движений и партий, с точки зрения защиты основ иудео-христианской цивилизации, заслуживают не меньшее внимание, чем ценности и установки, пропагандируемые отдельными движениями и социальными силами, подрывающими эти основы. Разумеется, в сознании многих они имеют негативную ауру. Однако исторический опыт свидетельствует, что те или иные идеи и проекты общественно-исторического развития, которые, казалось бы, совсем недавно большинством людей на дух не принимались, со временем становились вполне приемлемыми и даже одобряемыми все более растущим числом людей. Первоначальным толчком множества революций и гражданских войн, как правило, служили именно такие идеи.

Возможно, в оценках значимости роста влияния неоправых движений и идей присутствует элемент преувеличения. Тем не менее нельзя их недооценивать, поскольку они свидетельствуют о все более отчетливо проявляющихся сдвигах в социокультурной, политико-культурной и идеологической сферах общественно-политической жизни Европы и Запада в целом. В этом контексте программные установки более или менее вменяемых праворадикальных и право-консервативных партий и движений можно характеризовать как оборонительную реакцию против тенденций и процессов, происходящих прежде всего в социокультурной, морально-нравственной и политико-культурной сферах общественной жизни. Их можно рассматривать как проявление поиска частью европейцев альтернативного пути развития, противопоставляемого либертаризации традиционной демократии, тенденциям и процессам усиления власти и влияния тех сил, которые способствуют подрыву парадигмальных, инфраструктурных ценностей, традиций, институтов иудео-христианской цивилизации.

* * *

С учетом приведенных реалий можно утверждать, что с распадом СССР и исчезновением коммунистического проекта либерализм и либеральный порядок как на страновом, так и мировом уровнях столкнулись с новыми угрозами, которые, с точки зрения их выживаемости, оказались не менее опасными вызова-

ми, чем марксизм в его советском воплощении. Речь идет о национализме, ресуверенизации, религиозном фундаментализме, кибервойнах и т. д. Шотландский, каталонский, баскский, фламандский прецеденты поднимают весьма серьезные вопросы о судьбах и перспективах современного мира, формах совместной жизни народов в условиях глобализации и порожденной ею фрагментации. Они свидетельствуют о том, что “призрак бродит по Европе”, призрак национализма и сепаратизма. Партии, организации, движения, действующие на их основе, выступают против глобализма, универсализма и транснационализма, следовательно, против либерального политического порядка как на страновом, так и на глобальном уровнях. Таким образом, набирают силу антисистемные тенденции и процессы, подтачивающие евроинтеграцию, бросающие вызов европейской наднациональным институтам, самим ценностям и принципам европейской интеграции.

Любые законы, нормы и правила игры составляются в соответствии с положением вещей конкретного исторического периода победителями в интересах самих победителей. Более того, победители в зависимости от ситуации присваивают себе право по-своему как интерпретировать, так и в зависимости от обстоятельств нарушать их основной смысл. Либеральный порядок был создан ведущими государствами евро- или западнцентристского мира, естественно, в собственных интересах. Но в наши дни, когда мир стал полицентрическим, нормы и правила игры на геополитической карте подлежат коррекции, во всяком случае, с учетом интересов новых равновеликих Западу акторов.

Однако приходится констатировать, что ведущие течения западной общественно-политической мысли, в том числе либерализм, за редким исключением продемонстрировали свою неспособность адекватно реагировать на новые вызовы времени. Добившись грандиозных успехов на стези социального, экономического и технологического прогресса, либерализм и наряду с ним политическая демократия, идеология прав и сво-

бод человека, в той форме, в которой они трансформировались к настоящему времени, возможно, уже прошли пик своего развития и отживают свой век. С этой точки зрения, как представляется, эйфория относительно конца истории, полной и окончательной победы западного либерализма оказалась фикцией, порожденной, так сказать, сном разума. Запад, во все более очевидной форме демонстрирующий свой стареющий профиль, не располагает какими-либо новыми оригинальными ценностными системами, кроме “единственной Истины”, на скрижалях которой выгравированы сакральные: “демократия, права и свободы человека, рыночная экономика”.

Безусловно, весь исторический опыт воочию свидетельствует, что свобода есть непреходящая ценность и основополагающая сущностная характеристика человека, онтологическая первооснова человеческой жизни. Поэтому следует признавать, защищать, всячески способствовать утверждению во всемирном масштабе ценностей прав и свобод человека, справедливости, демократии, бороться против любых форм и проявлений тирании, деспотизма, тоталитаризма и т.д. Было бы некорректно, и даже абсурдно, утверждать, что они становятся ненужными в современном мире реликтами истории. Здесь речь должна идти не о бездумном противодействии этим ценностям как таковым, а о противодействии выхолащиванию и слепому их навязыванию к месту и не к месту всем без разбора народам, не брезгуя при этом их экспортом силовыми методами и средствами, или, как говорят американские неоконны, путем экспорта “демократической революции”. Во всяком случае, тенденции развития современного мира в последние два-три десятилетия показывают необходимость поисков путей их переоценки и совершенствования в соответствии с реалиями нового полицентрического миропорядка, разумеется, применительно к Западу. Что касается народов остального мира, то они вправе сами определять основные векторы развития на основе собственных ценностей и форм политической самоорганизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ / REFERENCES

1. Тойнби А. *Постижение истории*. Москва, Прогресс, 1996, 730 с. [Toynbee A. *Postizhenie istorii* [Comprehension of History] Moscow, Progress, 1996. 730 p.]
2. Flach K.H. *Nach eine Chance für die Liberalen?* Frankfurt, Frankfurter Allgemeine Buch, 1971. 96 s.
3. Нисбет Р. *Прогресс: история идеи*. Москва, ИРСЭН, 2007. 557 с. [Nisbet R. *Progress: istoriya idei* [History of the Idea of Progress]. Moscow, IRSEN, 2007. 557 p.]
4. Schlesinger-jr. A.M. *The Age of Jackson*. Boston, Little, Brown and Company, 1945. 577 p.
5. Генри Киссинджер: *Неоконсерваторы неправы, но и Буша менять не время*. 19.10.2004. [Henry Kissinger: *Neocons are Wrong, but Bush is not the Time to Change* (In Russ.)] Available at: <https://inosmi.ru/world/20041019/213905.html> (accessed 14.01.2018).
6. Саймс Д., Элсуорт Р. Мораль американского реализма. *Россия в глобальной политике*, 2005, № 1. [Symes D., Ellsworth R. *Moral' amerikanskogo realizma* [Moral of American Realism]. *Russia in Global Affairs*, 2005, no. 1.] Available at: http://globalaffairs.ru/number/n_4465 (accessed 14.01.2018).

7. Закариа Ф. *Будущее свободы: нелиберальная демократия в США и за их пределами*. [Zakaria F. *Budushchee svobody: neliberal'naya demokratiya v SSHA i za ikh predelami* [The Future of Freedom: Illiberal Democracy in the US and Beyond]] Available at: <https://www.ozon.ru/context/detail/id/1933005/> (accessed 25.12.2017).
8. Zakaria F. Are America's Best Days Behind Us? *Time*, March 3, 2011. Available at: <https://medium.com/pitoss-blog/fareed-zakaria-are-americas-best-days-behind-us-4bbce5b2f> (accessed 25.12.2017).
9. Bobbio N. *Il futuro della democrazia: Una difesa delle regole del gioco*. Torino, Einaudi, 1985. 314 p.
10. Buchanan P.J. *Is Liberal Democracy an Endangered Species?* Available at: <https://www.creators.com/read/pat-buchanan/01/17/is-liberal-democracy-an-endangered-species> (accessed 12.01.2018).
11. Buchanan P.J. Democracy, Another God That Failed? *The American Conservative*, January 8, 2010. Available: <http://www.theamericanconservative.com/2010/01/08/democracy-another-god-that-failed/> (accessed 12.01.2018)
12. Behr R. Face facts. The West That Won the Cold War no Longer Exists. *The Guardian*, 10.01.2018. Available at: <https://yandex.ru/search/?text=Behr%20R.%20Face%20facts.%20The%20West%20That%20Won%20the%20Cold%20War%20no%20Longer%20Exists.&lr=213> (accessed 10.01.2018).
13. Накасонэ Я. и др. *После "холодной войны"*. Москва, Прогресс, Универс, 1994. 320 с. [Nakasone I. et al. *Posle "holodnoi voiny"*] [After the Cold]. Moscow, Progress, Yunivers, 1994. 320 p.]
14. Luce E. The Siege of Western Liberalism. *Financial Times*, 05.05.2017. Available at: <https://www.ft.com/content/c7444248-3000-11e7-9555-23ef563ecf9a> (accessed 12.01.2018).
15. Fukuyama F. Is American Democracy Strong Enough for Trump? *Politico*, 23.01.2017. Available at: <https://www.politico.eu/article/is-american-democracy-strong-enough-for-trump/> (accessed 12.01.2018).
16. Хамада К. *Как Трамп испытывает демократию*. [Hamada K. *Kak Tramp ispytyvaet demokratiju* [How Trump Experiences Democracy]. Available at: <https://inosmi.ru/politic/20170301/238798624.html> (accessed 27.12.2017).
17. Rawnsley A. Democracy is More Fragile Than Many of us Realised, But don't Believe That it is Doomed. *The Gardian*, 21.12.2017. Available at: <https://www.theguardian.com/commentisfree/2018/jan/21/democracy-is-more-fragile-than-many-of-us-realised-but-do-not-believe-that-it-is-doomed> (accessed 25.12.2017).
18. Kaltenbeck F. Si l'Autriche Avait Assumé son Passé, elle se Serait Engagée dans une Autre Voie. *Le Monde*, 15.01.2018. Available at: http://www.lemonde.fr/idees/article/2018/01/15/si-l-autriche-avait-assume-son-passe-elle-se-serait-engagee-dans-une-autre-voie_5241653_3232.html (accessed 15.01.2018).

TRIUMPH AND TWILIGHTS OF ONE GREAT TEACHING

(*World Economy and International Relations*, 2018, vol. 62, no. 8, pp. 110-119)

Received 29.01.2018.

Kamaludin S. GADZHIEV (zuhrabvi@yandex.ru),

Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences (MEMO), 23, Profsoyuznaya Str., Moscow 117997, Russian Federation.

The article attempts to identify and analyze the most important factors of the crisis of values, ideas, principles of the liberalism that underlie political democracy. It is shown that liberalism and political democracy themselves represent answers to the challenges created by the transition of countries and peoples of the West from the Middle Ages to the New Time in the 16th-18th centuries. Being oriented toward a radical break with the past, they laid ideological and political foundation for the Great Transformation, in the process of which the new capitalist rationalistic civilization based on such values as human rights and freedoms, market economy and rule of law replaced forms of the medieval state system. It is emphasized that they originated in a relatively narrow group of peoples of the Euro-Atlantic world and played a huge role in their economic, technological and social progress. At the same time, the thesis is put forward that liberalism and democracy being historical phenomena are subject to the laws of origin, triumph, gradual decline natural for human communities. Its validity is evidenced by the tendencies and processes that liberalism and political democracy have experienced over the past two-three decades when they reached the highest limit of their development, and in the eyes of the intellectual and political establishment of the West acquired the status of the ultimate Truth. The article shows the factors that contributed to absolutization and emasculation of the values of human rights and freedoms as well as of other related ideas and attitudes, as understood by founding fathers of liberalism and great reformers of the 20th century. The main focus is on substantiating the thesis about possible completion of the liberal order domination era in the states of the Euro-Atlantic region at the country and global level. On that ground, it is concluded that we are witnessing the onset of a new era characterized by tectonic shifts in the existential basis of life with global reach, an existential shift that is equally large, perhaps even superior in its consequences to the Great Transformation that the Western world survived with the transition from the Middle Ages to the New Time.

Keywords: Liberalism, political democracy, values, freedom, civilization, politics, the old order, the liberal world order, the euro-centrist world, crisis, twilights.

About author:

Kamaludin S. GADZHIEV, Doctor of History, Professor, Principal Researcher.

DOI: 10.20542/0131-2227-2018-62-8-110-119